

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнце, поднявшееся над Азовском, было розовым и казалось слегка сплюснутым из-за утренней дымки. Где-то в небе попискивали невидимые птицы.

Стекла машины были запотевшими, и пока Аркадий протирал их, сонная Оля смотрела в телефоне погоду. День обещал быть жарким и безветренным. Была еще только середина мая, а море прогрелось до двадцати четырех градусов. Самое время загорать, пока пляжи не заполнили отдыхающие, от которых азовчане имели не только прибыль, но также горы мусора, загрязненную воду и столпотворения на улицах.

— Пристегнись, — сказал Аркадий, трогая машину с места.

— Рано еще, — отозвалась Оля. — Никто не увидит.

— Ты плохо знаешь подорожников. Они как раз любят с утра пораньше бабла накопить, чтобы потом отдыхать со спокойной совестью.

— Зачем подорожникам совесть?

Они засмеялись. Под «подорожниками» подразумевались работники дорожной автоинспекции, или как там она называлась официально. Молодые люди в такие подробности не вдавались. Плевать им было и на автоинспекцию, и на прочие государственные учреждения со всеми их надстройками, структурами и функциями. Они ехали плавать и загорать.

Дорога заняла меньше получаса. Вырвавшись из города, машина пропетляла через пару приморских сел и достигла

побережья. Аркадий Чардаш и Ольга Саввич облюбовали это место еще в прошлом году и побывали здесь несколько раз. Главным плюсом было отсутствие пансионатов и отелей. Здешний берег был слишком крут для строительства, так что на протяжении километра или около того под обрывом простиралась полоска песчаного пляжа без лежаков, кафе, прокатных пунктов и прочих курортных штучек. С разгаром летнего сезона, правда, сюда стягивались любители дикого отдыха, но пока что тут еще можно было насладиться уединением.

Оставив машину наверху, пара с вещами спустилась по коварной тропке. Под ногами идущих то и дело шмыгали ящерики, кузнечики и прочая живность. Обрыв был испещрен норами стрижей и, возможно, змей, которых Оля ужасно боялась. Она с облегчением вздохнула, когда опасный спуск остался позади.

— Все ноги исцарапала, — пожаловалась она.

— Сколько? — спросил Аркадий, бросив вещи на песок.

— Что сколько?

— Сколько ног у тебя? Ты говоришь так, как будто у тебя их много. Как у сороконожки.

Довольный своей шуткой, он засмеялся.

— У меня две ноги, — воинственно произнесла Оля, шурясь. — И если кое-кто предпочитает сороконожек, то никто его не держит.

Они считались помолвленными уже почти два месяца, с их первой ночи у Олиной подруги. Хотя никакой помолвки на самом деле не было и официального предложения с кольцом в коробочке и опусканием на колено Аркадий не делал. Просто он сказал, что хочет жениться на Оле, и она согласилась, потому что тоже хотела этого. Ей было двадцать, ему было двадцать пять. В таком возрасте решения принимаются быстро, ведь у людей еще целая жизнь впереди, для того чтобы понять, правильно ли они поступили. А если нет, то с годами в этом можно будет убедиться, а потом — при наличии

времени, сил и решимости — даже исправить ошибку. Так далеко Оля и Аркадий не заглядывали. Решили пожениться, ну и решили. Почему нет?

— Отвернись, — сказала Оля, — мне нужно переодеться.
— Ага, — откликнулся Аркадий. — Щас.

Она знала, что он любит на нее смотреть, и ей это нравилось. У нее была классная фигура. Голая она могла затмить сразу несколько десятков девушек своего возраста и комплекции, тогда как одетая ничем не выделялась — ни внешностью, ни манерами.

Прежде чем раздеться, Оля окинула взглядом кромку обрыва, а потом перевела его на море. Рыбацкие лодочки виднелись далеко-далеко, где-то на краю горизонта. Оля сняла с себя одежду и потянулась за купальником, но его держал в руках ухмыляющийся Аркадий.

— Отдай! — потребовала она, еще не зная, сердится по-настоящему или притворяется.

— Зачем тебе? — сказал Аркадий. — Тут никого нет. Мы как Адам и Ева.

— Отдай!

Оля шагнула к нему, но он отпрыгнул и издевательски покрутил купальником над головой. Она поняла, что начинает сердиться по-настоящему. Ей не нравились такие шутки. Она не собиралась расхаживать перед ним голая, да еще в таком месте, куда в любой момент могли нагряться посторонние.

Аркадий видел, что Оля злится, но его это не остановило. Ситуация возбуждала. Он остро ощущал, что Оля принадлежит ему, а остальные могут лишь облизываться. На ярком солнце Олина нагота была просто ослепляющей.

В свои двадцать пять он успел перепробовать немало девушек, но Оля была самой лучшей из них. Он собирался жениться на ней, чтобы поскорее завести ребенка и по окончании института получить отсрочку от армии. Оставался год, так что нужно было спешить. Сделав предложение, Аркадий перестал

пользоваться презервативами, но Оля пока что не забеременела. Может, сегодня выстрелит?

— Купальник за поцелуй, — сказал Аркадий. — Нет, за три.

— Это видел?

Показав ему фигу, Оля начала одеваться. Он опешил.

— Куда ты собралась?

— Домой, — сказала она. — Оставь купальник себе. Тебе пойдет.

Если бы не насмешка, он бы остановил ее и нашел пару примирительных фраз. Но Олина острота задела мужское самолюбие. Он бросил купальник на песок и сказал:

— Дело хозяйское.

Для Оли это была уже не обида, а настоящее оскорбление. Она подхватила сумку и, оставив купальник там, куда тот был брошен, зашагала к тропе навверх.

Больше Аркадий ее не видел. Часа два или три он плавал и загорал в гордом одиночестве, а потом вернулся домой. Вечером позвонила Олина мать, разыскивавшая дочь, и он объяснил ей, что они поссорились. На следующее утро его задержали на улице полицейские и препроводили в отделение, где объявили, что в соответствии с заявлением родителей Оли он подозревается в ее похищении или убийстве.

Почти трое суток он провел в камере предварительного заключения и приготовился к худшему, но ему повезло. Оперативники, проверяя его показания, нашли водителя автобуса, хорошо запомнившего Ольгу Саввич, попросившую довезти ее до города. Он запомнил время и место, где высадил девушку. Аркадий «засветился» на камере наружного наблюдения, когда заправлял свою машину бензином. Сопоставив факты, следователь отпустил молодого человека, взяв с него подписку о невыезде.

Ольга так и не нашлась. Очень скоро читатель узнает, что с ней приключилось и куда она пропала. А пока что перейдем к новому персонажу нашей истории. Тем более что именно он и является ее главным героем. Итак, знакомьтесь...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Алексей Никонов был мужчиной самого обычного сложения и наружности. К сорока его светлые волосы начали редеть, и он завел себе короткую прическу, так что этот недостаток стал незаметен. Жене Алексея, Алле, нравилась такая стрижка. В минуты близости она любила держать руку на затылке мужа, чтобы ощущать ладонью колючесть топорщащихся волосков: это напоминало о том, что ею овладевает сильный, властный мужчина, победитель и завоеватель. Любила она также смотреть, как золотятся волосы на теле Алексея при свете лампы или солнца.

Вообще внешне он соответствовал ее представлениям о мужской привлекательности. Его лицо было грубоватым, он был сильным и уверенным в себе, умел сдерживать эмоции и не любил болтать попусту. Но с годами эти достоинства сделались чем-то само собой разумеющимся, привычным, данным раз и навсегда, и Алле стало казаться, что на самом деле ей нравятся мужчины галантные, чуткие, порывистые. К тому же ее все больше раздражала профессия Алексея. Он был следователем, работал в полиции, и Алле становилось неловко, когда ее спрашивали об этом.

У всех подруг и знакомых мужья владели какими-то интересными, даже можно сказать романтическими профессиями. Один был архитектором, другой — специалистом по мотивации, третий — художником-импрессионистом, который

продавал картины в виртуальных галереях за вполне реальные бабки. Кроме того, они занимались или йогой, или спортом, или домашний интерьер до ума доводили, а свободное время посвящали своей семье, тогда как Алексей Никонов никуда, кроме работы, не ездил, тупо торчал там с раннего утра до позднего вечера (не говоря уже о ночных авралах). Зарплаты же его едва хватало на то, чтобы обеспечивать некую стабильную базу, тогда как деньги на шмотки и развлечения приходилось зарабатывать Алле.

Легко ли одеться самой и одеть семнадцатилетнюю дочь, которой к тому же то айфон, то косметику подавай? Нет. Вот и вертелась Алла как белка в колесе: в Турцию моталась, вещи возила, магазином заведовала, по выходным часть товара на рынок перекидывала. И разве дождешься помощи от мужа, который как проклятый на страже закона стоит! Одним словом, с годами количество претензий к Алексею увеличивалось, а крыть их ему было нечем. В итоге их брак стал трещать по швам. Только Алексей Никонов этого не замечал. На своем следовательском поприще он был дока, а в делах житейских разбирался слабо. И в упор не видел того, что творилось у него под носом.

А творилось нехорошее. Это если с его позиции рассматривать. Алла же млела от счастья и переживала вторую молодость. Все было как в первый раз. И любовь до упаду, и страсть жаркая, и тоска щемящая по любовнику, с которым видеться получалось всего по нескольку дней в месяц, во время полетов в Стамбул. Он турок был, звали его Эрол. Моложе Аллы на пять лет, красивый, обходительный, неутомимый в любви. В настоящее время он сам прилетел из Турции, чтобы уговорить Аллу уехать с ним.

Уехать навсегда.

Эрол пока что собственный бизнес не завел, но стремился к этому, в отличие от тех, кому лишь бы от звонка до звонка штаны на службе просиживать. Его связи со стамбульскими

оптовиками, капитал Аллы и мозги обоих должны были вывести их на совершенно новый уровень. Эрол не просто болтал языком и манил несбыточными вещами, а предлагал вполне конкретные дела. Первым пунктом стояла женитьба, потом — съём квартиры и открытие оптового магазина в Таксиме, самом оживленном и денежном районе Стамбула. Но Алла колебалась. Она еще не была готова согласиться окончательно, но и категорически отказать любовнику не находила сил. Особенно после сумасшедших свиданий, наполненных бурными оргазмами и нежными признаниями.

В результате последней — недавней — встречи с Эролом Алла чувствовала себя такой опустошенной, такой легкой, что впору летать на крыльях счастья, а не ходить по грешной земле. По пути домой она пыталась придумать правдоподобную причину столь позднего возвращения, но вдруг это показалось ненужным и унижительным. Кто ей Алексей, чтобы требовать от нее отчета? Она и так отдала ему лучшие годы своей жизни, терпела его тяжелый характер, мирилась с его вечной занятостью, с тем, что его никогда нет дома. Алле осталось всего несколько лет относительной молодости. Вот-вот ей стукнет сорок — и что тогда? Сидеть в одиночестве, наблюдая за своим увяданием в зеркале? Нет уж! От жизни нужно брать все, и брать немедленно, не откладывая на потом, иначе будет поздно.

К превеликому удовольствию Аллы, Алексей задержался на работе еще больше, чем она сама. Бегло поболтав с дочерью, она заперлась в ванной и успела смыть с себя следы грешной страсти до того, как домой явился Алексей. Он был не в духе, посмотрел из-под насупленных бровей и спросил, будут ли они ужинать.

— Я разогрею! — вызвалась Лора.

Она почувствовала напряженность атмосферы и попыталась ее разрядить. Не потому что была такой уж верной

союзницей матери, чтобы выгораживать ее. И не потому что была папиной дочкой, которой хотелось поскорее накормить голодного и усталого папочку. Просто ей не нравилось, когда в отношениях родителей что-то не ладилось, и она старалась примирить их, пока дело не зашло слишком далеко.

— Ты отдыхай, Лора, — сказал Никонов дочери и добавил: — Если уроки сделала. Сделала уроки?

— Мы уже два дня не учимся, — объявила дочь с обиженной миной на лице. — Выпускные экзамены скоро. Готовлюсь.

— Вот и готовься. Ужином меня мама накормит. Или у нас в доме что-то изменилось?

«Да», — подумала Алла, но вслух сказала:

— Конечно накормлю. Я и сама проголодалась, как зверь.

— Опять поздно пришла? — спросил Алексей, устраиваясь за столом.

— Товар на комиссию принимала, — пояснила она, ставя кастрюли на плиту.

— И вчера тоже принимала...

— И вчера принимала, — произнесла Алла с вызовом. — А что?

— И тоже раздраженная была, — продолжал Алексей монотонно.

— Устаю я! Ясно? Работы много.

— Поэтому на мне срываешься?

— Никто не срывается...

Алла выставила на стол разогретый ужин и села сама. Есть не хотелось. Мешало присутствие мужа. Слишком близко он сидел. Она слышала, как он жует и глотает. Ей это было неприятно, хотя не так давно, когда она с Эролом перекусывала в гостиничном номере, ее совершенно не раздражало то, как тот чавкает.

Не донеся вилку до рта, Алла посмотрела на Алексея. Он тоже поднял на нее взгляд. Его челюсти мерно двигались.

Неожиданно ей захотелось ударить его. Может быть, даже зубцами вилки. Это он был во всем виноват! Если бы не его черствость и вечная занятость, ей не пришлось бы искать любви на стороне и она не чувствовала бы себя последней блядью.

— Что смотришь? — спросила она.

Не ответив, муж вышел из кухни, вернулся на место и сказал:

— В наушниках сидит. Можно разговаривать спокойно.

— О чем разговаривать? — Алла резко отодвинула тарелку.

— Разве не о чем? — спросил Алексей.

Его лицо ничего не выражало. Оно было как каменное. И снова ей захотелось ударить его. Но одновременно с этим ей захотелось разрыдаться у него на плече. Так больше не могло продолжаться. Алла понимала это. Она знала, что долго не выдержит.

Она встала и занялась посудой, не дожидаясь, пока муж закончит ужинать. Он стал рядом и тихо спросил:

— Что с тобой, Алла?

— Ничего, — раздраженно ответила она и добавила: —

Надоело все.

— Что именно? — допытывался он.

— Все, — отрезала она.

— Я? Дочка? Жизнь? Неужели все?

— Отстань, — попросила она. — Не обращай внимания.

Устала я. Пройдет.

— Хочешь, съездим куда-нибудь? — предложил Алексей.

— Куда? — пожелала уточнить Алла.

— Не знаю.

— Не знаешь... Как всегда.

Она швырнула тарелку в раковину и вышла из кухни.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Алексей час спустя, когда они выключили свет и улеглись.

— Проехали, — сказала Алла, — спи.

Он помедлил и положил руку ей на грудь. Соску было больно.

— Не надо, — попросила она. — Я не в настроении.

— Ты в последнее время всегда не в настроении.

— Значит, так и есть.

Алексей взялся за другую грудь. Она отбросила его руку. Ей была невыносима мысль о том, что другой мужчина будет трогать ее там, где трогал Эрол. Это было неправильно, это было стыдно. Все было неправильно и стыдно.

— Я сплю, — объявила Алла и отвернулась.

Он оставил ее в покое, но она слышала, чувствовала, муж не спит и смотрит ей в спину. Она в очередной раз сказала себе, что так больше продолжаться не может. У других женщин получалось, а у нее — нет. Алла не могла делить себя между двумя мужчинами. Тем более между любимым и опостылевшим, надоевшим хуже горькой редьки мужем. Она поняла, что уедет, хотя мысленно допускала иной вариант. Прежняя жизнь кончилась. Алла вышла из нее и не сумела вернуться обратно, как не способна змея забраться в сброшенную кожу.